

Вильгельма Кубе признавал следующее: «Карательные операции против партизан и гражданского населения пользы не приносят, военное и гражданское строительство полностью парализованы, применение против партизан крупных воинских соединений не приносит заметного успеха». А в сообщениях тайной полиции СД появляются все более безрадостные для немцев констатации, такие как «активность партизан в Белоруссии принимает все более угрожающий характер».

Не сумев опереться на белорусское население, немцы предпринимали попытки перетянуть на свою сторону ученых, создав в июне 1942 года Белорусское научное общество, однако ученые бойкотировали его, не оставив немцем надежд на предательство белорусского народа.

Из всего вышесказанного стоит сделать вывод, что населению Беларуси были всегда чужды идеи предательства и коллаборационизма, они плечом к плечу с населением братских стран в годы Великой Отечественной войны, не сломившись в час суровых испытаний, ощутили на себе всю тяжесть немецкой оккупации, борьбы с гитлеровцами, чтобы победить и отстоять свое право быть свободными.

Список литературы

- 1 Военные судьбы: Сотрудники АН Беларуси – участники Великой Отечественной войны / Сост. и авт. предисл. Н. В. Токарев; под ред. Н. А. Борисевича. – Минск : Навука і тэхніка, 1995. – 89 с.
- 2 Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945 гг. : энцыклапедыя. – Минск, 1990.
- 3 **Романько, О. В.** Легион под знаком Погони. Белорусские коллаборационистские формирования в силовых структурах нацистской Германии (1941–1945) / О. В. Романько. – Симферополь : Антикава, 2008. – 304 с.
- 4 **Соловьёв, А. К.** Белорусская центральная рада: создание, деятельность и крах / А. К. Соловьёв. – Минск, 1995. – 176 с.
- 5 **Киселёв, В. К.** Особый фронт партизан Белоруссии: июнь 1941 – июль 1944 / В. К. Киселёв. – Минск : Беларуская навука, 2011. – 294 с.

УДК 94:271.22(476.2)

ИСТОРИЯ ГОМЕЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В 1941–1965 ГОДЫ

Н. Н. КОЗЛОВА

Учреждение образования

«Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого»

В исследуемый период Гомельская епархия (точнее благочиния и округа Минско-Белорусской епархии на территории области, т. к. епархия была ликвидирована в 1947 г.) прошла несколько стадий развития, определив-

шихся изменением курса государственной религиозной политики. Этапы развития и РПЦ, и епархии во многом совпадали с переломными этапами в истории советского государства и общества.

1-й этап – 1943–1948 гг. Связан с Великой Отечественной войной и обозначен в историографии как «сталинский прагматизм», т. к. с целью активизации патриотических чувств верующих правительство ослабило давление на религиозные организации. Описаны факторы, способствующие возрождению епархии и приходской жизни в период нацистской оккупации: военный, пропагандистский, славянский. В оккупационный период началось возрождение церковной жизни в стране и в регионе, были воссозданы Гомельские благочиние и епархия, т. к. к началу 1940-х гг. все культовые здания в регионе были закрыты. Восстановление церковно-приходской жизни стало возможным вследствие ряда причин: лояльность оккупационных властей, сильное религиозное чувство у народа, сохранность верующими антиминсов и церковных принадлежностей из изъятых в конце 1930-х гг. молитвенных зданий [2, с. 240–305; 3, с. 123–134], В историографии до настоящего времени точно не определены основные группы, на которые разделились клирики в оккупационный период. Автор сообщает фамильные и анкетные данные приверженцев разных течений внутри Церкви, трудившихся в регионе в 1940-е гг. [1, с. 30–44]. Показано сложное взаимодействие священнослужителей с нацистской администрацией, белорусскими националистами-коллаборантами, партизанами [1, с. 46–48; 4, с. 90–100]. Установлено, что в открытых молитвенных зданиях служили: бывшие монахи и монахини из закрытых монастырей; священники, дьяки и псаломщики, вернувшиеся из мест заключения после гонений 1930-х гг.; священники из закрытых в межвоенный период церквей; новопосвящённые в 1941–1943 гг. клирики.

Проанализирована проблема (пере)рукоположений в регионе в военное время представителями РПЦ, ИПЦ, «обновленчества»; уточнено их количество; акцентирована проблема каноничности духовенства с точки зрения Московского Патриархата. Вводятся в научный оборот сведения о деятельности 15 священников, оказывавших содействие партизанам; и также материалы об участии на фронтах Великой Отечественной войны 11 священнослужителей, служивших в регионе в военный и послевоенный периоды.

Дополнено количество «молитвенных зданий, действующих в военный период», общее число которых в регионе достигло не менее 100 (а не 60); причём без учёта «неканонических общин и объединений». Уточнено количество клириков: 73, а не 43, как утверждалось ранее в отечественной историографии [1, с. 35–36]. В монографии подчеркнуто, что восстановление церковной жизни в оккупированном регионе было сложным и противоречивым.

В 1940–1950-е гг. продолжалось возрождение церковной инфраструктуры на территории епархии. В исследуемом регионе в 1946–1947 гг. было учтено

(по разным данным) либо 67, либо 73 молитвенных здания [1, с. 62]. До 1948 г. в государственно-церковных отношениях преобладали либеральные тенденции [1, с. 198].

2-й этап – 1948–1953 гг. Обусловлен переменами в международной обстановке, т. к. РПЦ уже отводилась более скромная роль – участие в просоветском движении за мир. Следствием этих перемен стало охлаждение государственно-церковных отношений. В исследуемом регионе на этом этапе было изъято 28 молитвенных зданий [1, с. 68–72]. Госструктуры допускали религиозную жизнь только на необходимом (с их точки зрения) уровне. Ситуация с регистрацией стабилизировалась к 1951 г., в котором было зарегистрировано 45 единиц: 20 церквей и 25 молитвенных домов. На основании архивных материалов засвидетельствовано, что 26 из 45 действующих молитвенных зданий в 1950-е гг. были сохранены клириками и прихожанами в неблагоприятный для Русской Церкви период. В исследуемом регионе они действовали в областном городе, райцентрах и тех населённых пунктах, где существовали сильные общины. Среди них общины в сёлах: Ерёмино, Красное Гомельского и Носовичи Тереховского районов, в м. Ветке; в м. Журавичи; в сёлах Ямполь и Заспа Речицкого района [1, с. 68–81]. Правительственные и партийные структуры стремились трактовать религиозную жизнь в контексте её угасания, но с учётом приведённых сведений, очевидно, что эти официальные утверждения не соответствовали действительности.

В книге охарактеризована работа Республиканского Совета по делам РПЦ, выявлены фамильные данные всех гомельских уполномоченных, проанализирована их работа. В данном периоде произошёл переход к консервативно-прагматическим тенденциям во взаимоотношениях Церкви и государства [1, с. 198].

3-й этап – 1953–1957 гг. Характерно использование главным образом идеологических средств подавления религиозных организаций. В 1954 г. советское правительство попыталось вернуть Церковь к ее довоенному бесправному положению. Однако множество ошибок и перегибов в ходе наступления на религию заставило советские власти на время ослабить нажим на Церковь [1, с. 151–159].

4-й этап – 1958–1964 гг. Н. С. Хрущев и его соратники стремились к полной ликвидации Церкви как социального института, религиозный вопрос стал одним из приоритетных в советской внутренней политике. Сложившаяся система государственно-церковных отношений была окончательно разбалансирована. Сфера церковной политики становится партийной прерогативой и заложницей господствующей идеологии и борьбы различных сил в рядах высшей номенклатуры и руководстве спецслужб. К 1963 г., после очередного витка конфессиональной политики в исследуемом регионе действовали 35 молитвенных зданий, после 1963 г. – уже 32 [1, с. 160, 192].

После внедрения реформы церковно-приходского управления 1961 г. государству удалось существенно ослабить позиции православного духовенства, отстранить его от административно-хозяйственной деятельности. Вслед за духовенством пострадали церковные служащие и работники религиозных организаций. Их денежное обеспечение и общественный статус были значительно понижены. В 1961–1962 гг. было прекращено государственное социальное обслуживание работников религиозных структур, распущены и ликвидированы профсоюзные организации в религиозных объединениях. Применение мер по подрыву материально-хозяйственного положения Церкви и усилению кадрового дефицита имело определённый результат: отмечается ослабление активности Церкви, влияние её на общество стало менее ощутимым. Фактически реальная власть в церковных приходах перешла от епископата в гражданские учреждения. Осенью 1964 г. внедрялась более умеренная тактика постепенного вытеснения религиозных организаций из общественной жизни страны, Московская Патриархия активно использовалась на международной арене.

В результате описанной конфессиональной политики верующие были зачислены в разряд носителей чуждых социализму взглядов и нравов, а идея построения атеистического общества оказалась доминирующей. В стране была создана система всеобщего атеистического воспитания школьников и молодежи. Согласно сведениям Д. Константинова только за 1965 г. было проведено 12 миллионов лекций на религиозные темы. Качество их не анализировалось, но количество впечатляет [1, с. 199]. Данный период можно обозначить как «время хрущёвских гонений».

На протяжении всего исследуемого периода остро ощущался недостаток квалифицированных священно- и церковнослужителей. В книге анализируется состав легально и нелегально служивших в регионе священников и монашествующих. Исследовано сложное взаимодействие между «самосвятами» и приверженцами РПЦ и ИПЦ. Систематизированы сведения о сторонниках ИПЦ. Доказано, что восемь приверженцев направления оставались верны ему до конца жизни. На основании материалов полевых экспедиций, проведённых членами ЦИКГЕ, и сведений уполномоченных показано, что интенсивная религиозная жизнь протекала не только в официально зарегистрированных приходах. Установлено, что «неканонические общины и объединения» действовали во всех 14 районах исследуемого региона. Их было не менее 53 единиц, выявлены имена не менее 270 членов. Они состояли из насельников закрытых церквей и монастырей в 1930-е гг. и «воцерковлённых» мирян. Их деятельность свидетельствует о том, что на Гомельщине оставались одухотворённые люди, сумевшие адаптироваться к новой обстановке. Впервые в отечественной историографии в работе исследованы не только служение, но и быт в «келейных» обителях. ЦИКГЕ стремится проникнуть в суть религиозной ментальности и келейников, и сельских жите-

лей [1, с. 106–122; 2, с. 240–360]. Ранее аналогичные исследования были проведены А. Л. Бегловым и Дж. Винот [3, с. 11, 12, 27, 121–123, 191]. Рассмотрены две парадигмы в поведении церковных нелегалов: одна была нацелена на изоляционизм в советском обществе, вторая – на социализацию, приведены примеры их служения в исследуемом регионе.

В книге отмечается активная деятельность незарегистрированных «домашних церквей» в населённых пунктах, в которых не было действующих молитвенных зданий: в частности, в деревне Гута Тереховского района, в деревне Сырск (бесцерковного) Кормянского района. Засвидетельствованы случаи предоставления собственных жилых домов для молений и клириками (С. Шумаков из с. Телеши) и верующими (инвалид Великой Отечественной войны Концевенко из Лоевского района). В селе Тереховка проводились службы в избе Винокуровой и других верующих сельчан. Причём богослужения проводились с антиминомом, который православные сохранили и переносили из избы в избу [1, с. 200]. Прихожане собственноручно за собственные деньги восстанавливали после пожаров здания в населённых пунктах: Огородне-Кузьминичской, Телеши, Заспе. Приведённые примеры «неканонической церковности» подтверждают неугасающую религиозность в регионе.

Таким образом, масштабные мероприятия с привлечением сил партийных и советских работников и общественности, суровые преследования верующих в СССР не привели к построению атеистического государства. Более того, гражданская и политическая лояльность к власти православных была подорвана. Часть религиозных людей ушла в подполье, что для советской власти представляло большую угрозу, что показано в новейшей историографии [1, с. 106–122; 3, с. 103–122, 231–250] и что подтверждают полевые исследования членов ЦИКГЕ [2, с. 240–360].

Несмотря на то, что Церковь была отделена от государства и школы, государство не смогло отделить верующих от религии. В этом видится одна из причин всей сложности государственно-церковных отношений в советские годы, когда часть общества хотела сохранить свою веру и религиозные ценности, в то время как КПСС, советские и общественные организации в форсированном режиме стремилась к их уничтожению. В исследовании показано, что в общественном сознании сочетались религиозный и атеистический аспекты – не всё население было православным. Описаны поджоги, ограбления и повреждения молитвенных зданий, случаи избиения клириков и членов их семей, атеистические выступления директоров школ [1, с. 10, 11, 69, 104].

Вместе с тем, РПЦ сумела сохранить свой духовный потенциал и каноническое устройство, преданную иерархию и вековые традиции и подготовить почву для грядущего религиозного возрождения в стране, о чём свидетельствуют 154 возрождённые и действующие ныне церкви Гомельской

епархии. Очевидно, что попытки вытеснить из общественной жизни религию и Церковь были утопичны, т. к. религиозная жизнь и в стране, и в регионе развивалась.

Гонения Церкви ослабили её внешне, но одновременно с этим сплотили верующих. Православная Церковь выстояла благодаря широкой народной поддержке, «...она – нечто такое, что невозможно уничтожить атеистической пропагандой и мероприятиями по закрытию храмов. Несомненный показатель духовного возрождения – рост религиозного сознания, синтез стремлений духовенства и народа...», «...сам Христос создал обетование непоколебимости Церкви, сказав, что врата адовы не одолеют Церкви Его...» [1, с. 210].

Список литературы

- 1 **Козлова, Н. Н.** История Гомельской епархии в 1941–1965 годы / Н. Н. Козлова. – Гомель : Ред. газ. «Гомельская праўда», 2022. – 212 с.
- 2 **Цыкунов, С. В.** Чонский монастырь. История и судьбы / С. В. Цыкунов, Н. Н. Козлова. – Гомель : Барк, 2018. – 415 с.
- 3 **Беглов, А. Л.** В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР / А. Л. Беглов. – М. : Арфеа, 2008. – 352 с.
- 4 **Силова, С. В.** Православная церковь в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / С. В. Силова. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 105 с.

УДК: 908(476.2):070.488

ГОМЕЛЬШЧЫНА НА СТАРОНКАХ ГАЗЕТЫ ЛІМ

В. А. КАСЦЕНІЧ

Установа адукацыі

“Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт”, г. Мінск

“ЛіМ” – поўная назва “Літаратура і мастацтва” – гэта газета творчай інтэлігенцыі Беларусі, “летапіс беларускай культуры”, як назваў яе галоўны рэдактар А. Чарота [1]. Задача выдання – даносіць да чытача інфармацыю пра знакавыя падзеі ў культуры Беларусі, знаёміць з мастацкімі, тэатральнымі, літаратурнымі, кінематаграфічнымі і іншымі культурнымі падзеямі, што адбываюцца ў нашай краіне і за яе межамі. За свой шаноўны васьмідзесяцігадовы юбілей на старонках газеты друкаваліся выбітныя мастакі слова: Іван Мележ, Васіль Быкаў, Іван Шамякін, Уладзімір Караткевіч і многія іншыя. Сярод іх нямала прадстаўнікоў Гомельшчыны. Вывучэнне публікацый ЛіМа і сістэматызацыя – гэта стварэнне своеасаблівай культурнай энцыклапедыі беларусаў.

Задача даследавання – устанавіць сучасны вобраз Гомельшчыны ў штотыднёвіку “ЛіМ”. Матэрыялам для даследавання паслужылі публікацыі, якія змешчаны ў газеце за першую палову 2022 г. Усяго 26 нумароў.